

УДК 83.3
ББК 821.161

Н. А. Макаричева¹
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
812nataly@mail.ru

**ГЕНДЕРОЛОГИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ПОВЕСТЯХ «ДЯДЮШКИН
СОН» И «СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ»**

В центре внимания – две «комические повести» Ф. М. Достоевского, написанные в один период. В плане художественной гендерологии между произведениями наблюдается несомненная связь. Гендерологические искания Достоевского достаточно выразительно воплощаются в первом послекаторжном произведении – в «Дядюшкином сне». В повести «Дядюшкин сон» автор в комическом виде рисует картину победы «феминизма» в семейных отношениях. Мотив разительной возрастной разницы почти в пародийном виде выражен в повести: дряхлый, но состоятельный старик-князь не прочь жениться на молодой девушке. Причем его мечтания продиктованы не половым, а эстетическим инстинктом. В «Дядюшкином сне» развернут широкий спектр именно женских типажей и характеров, для которых мужчины как будто заведомо «не в счет» (Наталья Дмитриевна и ее ничего не значащий муж, Софья Петровна, быющая мужа и выпивающая несколько рюмок водки в день, Степанида Матвеевна, «обладающая» князем и его свободой). Но центральную роль играет Москалева. Если в «Дядюшкином сне» очевиден комический феминизм, то в «Селе...» общая картина складывается почти обратным образом. Как будто Достоевский кардинально меняет полюса в другом произведении для соблюдения некоего баланса точек зрения. В «Селе Степанчикове и его обитателях» дается обратный вариант – показан результат пагубного воздействия мужского влияния Фомы Опискина на семью Ростанева. В роли интригана, умело манипулирующего за счет знания женской психологии, в повести выступает мужчина – Мизинчиков. Именно от этого образа развивается галерея мужских персонажей в последующем творчестве Ф. М. Достоевского: князь Валковский, Свидригайлов, Гоцкий и другие.

¹ Макаричева Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Ключевые слова: художественная гендерология, сюжет неравного брака, феминизм, антифеминизм, мужские и женские роли

Перспектива для гендерологических исканий Достоевского после каторги была связана, прежде всего, с его жизненным опытом. А в жизненном опыте важнейшими были влюбленность и женитьба на Марии Исаевой (младше на 3 года); затем отношения с Аполлинарией Суловой (разница в 19 лет). И наконец, в его жизнь вошла Анна Сниткина (уже 25 лет разницы в возрасте).

Примечательно, что и художественном творчестве Достоевского разница в возрасте между мужчинами и женщинами тоже периодически подчеркивается. Иногда она компенсируется мотивом влюбленности, но чаще трактуется писателем негативно. Как правило, это связано со сладострастием мужчин (Юлиан Мастакович, Свидригайлов, Тоцкий, Федор Павлович Карамазов).

Гендерологические искания Достоевского достаточно выразительно воплощаются в первом послекаторжном произведении – в «Дядюшкином сне».

Мотив значительной возрастной разницы почти в пародийном виде выражен в повести: дряхлый, но состоятельный старик-князь не прочь жениться на молодой девушке. Причем его мечтания продиктованы не половым, а эстетическим инстинктом – Зина Москалева очень хороша собой и прекрасно поет.

С женской стороны также не может идти речь о половом инстинкте – он замещается меркантильным. Замужество дочери позволит ее маменьке, Марье Москалевой, реализовать собственные амбиции. В «Дядюшкином сне» мать уговаривает дочь: «Но зачем же, дитя мое, смотреть непременно с этой точки зрения, – с точки зрения обмана, коварства, корыстолюбия? <...> Взгляни на себя в зеркало: ты так прекрасна, что за тебя можно отдать королевство! И вдруг ты, – ты, красавица, жертвуешь старику свои лучшие годы! Ты, как прекрасная звезда, осветишь закат его жизни; ты, как зеленый плющ, обовьешься около его старости» [2, II, 326].

Когда уговоры не срабатывают, мать подключает гуманистическую, как бы «христианскую» точку зрения. Не срабатывает и она – мать – апеллирует к девичьим инстинктам: дочь влюблена в молодого человека, который умирает от чахотки, и именно брак по расчету позволил бы спасти возлюбленного, а возможно, и воссоединиться с ним (ведь дряхлый муж не вечен). Именно это оказывается верным ключиком к сердцу девушки.

Примечательно, что Зина поддается на уговоры матери по женскому инстинкту – она явно влюблена в своего бедного Васю, – но драпируется это под самоотвержение: нужно спасти юношу посредством замужества с богатым князем. Подобное же намерение позднее, в «Преступлении и наказании», преобразится в готовность Дуни Раскольниковой выйти замуж даже за пошлого Лужина ради благополучия близких. В обоих случаях происходит конфликт девичьих инстинктов. В отношении к кандидату в мужья наблюдается явно выраженное гендерное неприятие. Но оно в принципе преодолимо, когда ему противостоит влюбленность или самоотверженное желание спасти своих близких. В обоих случаях планы разрушены волею обстоятельств. В более позднем романе, быть может, сыграли свою роль еще и зарождающиеся чувства Дуни к Разумихину.

Следующее (и, на наш взгляд, важнейшее) гендерологическое открытие писателя в «Дядюшкином сне» связано с соотношением женской и мужской личностной состоятельности персонажей. Достоевский, как известно, придерживался консервативных взглядов на взаимоотношения мужчин и женщин. Но в своей *комической повести* он демонстрирует пародийные результаты полной победы феминизма. Это движение зародилось в России именно в 1850-е годы. Получается, что в большой литературе Достоевский оказался едва ли не первым, кто на это явление откликнулся, причем резко негативно. Многих серьезных задач феминизма (женское образование, право на труд, избирательные права) он в повести не затрагивает. Но общий и психологически решающий вопрос – равноправие мужчин и женщин, в том числе в семейно-брачных отношениях – представлен Достоевским в пародийно искаженном выражении, как полное доминирование женщин. Все персонажи-мужчины явно им проигрывают, женщины не принимают их самостоятельность всерьез. В предельном виде это сказывается в намерениях Марьи Москалевой относительно князя: «В крайнем случае можно даже и напоить его или, еще лучше, держать его постоянно пьяным» [2, II, 357].

Примечательно, что в «Дядюшкином сне» развернут широкий спектр именно женских типажей и характеров, для которых мужчины как будто заведомо «не в счет» (Наталья Дмитриевна и ее ничего не значащий муж, Софья Петровна, бьющая мужа и выпивающая несколько рюмок водки в день, Степанида Матвеевна, «обладающая» князем и его свободой). Но центральную роль играет Москалева. Повесть начинается именно с ее характеристики: «Марья Александровна Москалева, конечно, первая дама в Мордасове, и в этом не может быть никакого сомнения. Она держит себя так, как будто ни в ком не нуждается, а, напротив, все в ней нуждаются. Правда,

ее почти никто не любит и даже очень многие искренно ненавидят; но зато ее все боятся, а этого ей и надобно. Такая потребность есть уже признак высокой политики» [2, II, 296]. Примечательно, что ее личностные качества и стратегия взаимоотношений с окружающими дают автору-повествователю повод сравнивать ее с Наполеоном: «...признавая вполне всю странность такого сравнения, я осмелюсь, однако же, сделать один невинный вопрос: отчего, скажите, у Наполеона закружилась наконец голова, когда он забрался уже слишком высоко? <...> я осмелюсь прибавить в свою очередь: отчего у Марьи Александровны никогда и ни в каком случае не закружится голова, и она всегда останется первой дамой в Мордасове?» [2, II, 297].

Главенствующий инстинкт этой героини – властолюбие и потребность манипулировать людьми. Особенно ярко это сказывается по отношению к персонажам-мужчинам – и не только к престарелому князю, но и к своему супругу, Афанасию Матвейчу. Первый для нее – возможная жертва и объект интриги; второй – жертва уже давняя и поднадоевшая. Но даже и в этом отношении она временами невольно драпирует свою женскую ущербность подо что-то более достойное. Например, в уговорах дочери вдруг возникает будто бы признание: «Я сама любила, и, может быть, сильнее, чем ты. Я сама страдала; у меня тоже были свои возвышенные идеалы» [2, II, 324]. Ранее, в «Бедных людях», и позднее, в «Записках из подполья», важен женский инстинкт – *и меня любили*. В «Дядюшкином сне» Марья Москалева подстраивается под сходный инстинкт, демонстрирующий женское достоинство: *...и я любила*.

Но ее отношения к супругу как будто это опровергают (разве что любила она когда-то вовсе не супруга). Например, она предъявляет Афанасию Матвейчу претензию: «...как смеешь ты напоминать мне, что я твоя жена, когда я стараюсь забыть об этом всеми силами, всеми средствами моей души?» [2, II, 359]. Но возникает ситуация, когда в этой женщине просыпается и другой инстинкт, противоположный феминистскому. Тогда она, исчерпав собственные возможности, требует от мужа быть мужчиной: «Афанасий Матвейч! – взвизгнула Марья Александровна каким-то неестественным голосом. – Неужели вы не слышите, как нас срамят и бесчестят? Или вы уже совершенно избавили себя от всяких обязанностей? Или вы и в самом деле не отец семейства, а отвратительный деревянный столб? Что вы глазами-то хлопаете? Другой муж давно бы уже кровью смыл обиду своего семейства!» [2, II, 383]. (Примечательно, что подобный же внезапный поворот женской психологии окажется востребован у Достоевского и в романе «Идиот»).

Если присмотреться к мужским персонажам в «Дядюшкином сне», то на общем фоне абсолютно пассивных и безликих в гендерном плане выделяются лишь двое – умирающий учитель Вася и Мозгляков. Оба – претенденты на сердце Зины Москалевой. Первый из них в этом отношении успешен и может напоминать студента Покровского из романа «Бедные люди», в том числе и своей трагической судьбой. Заметим, что сам по себе мотив влюбленности девушки в бедного провинциального учителя для Достоевского был автобиографичен. В годы написания повести Достоевский переживал по поводу увлеченности будущей жены, Марьи Дмитриевны Исаевой, учителем Н. Б. Вергуновым.

Вася в «Дядюшкином сне» как мужчина повел себя недостойно – допустил распространение компрометирующего Зину письма. В «Дядюшкином сне» Вася горько кается в своей ошибке – и Зина прощает его. Любовь оказывается сильнее обиды, тем более, когда речь идет об умирающем. Тем не менее, опять-таки женское великодушие доминирует над мужским запоздалым сожалением.

Иное дело Мозгляков; сама говорящая фамилия с подачи автора не оставляет в глазах читателей шансов этому персонажу сохранить мужское достоинство. Единственное, что можно поставить ему в заслугу, – невольное прозрение, когда он бросает в лицо Марье Москалевой: «Вы... вы все, что хотите, а не дама! – вскричал Мозгляков. Не знаю, что именно хотелось ему выразить своим восклицанием, но, вероятно, что-нибудь очень громовое» [2, II, 349]. Добавим, что не столько «громовое» здесь сказалось, сколько концептуальное. Потому что традиционно *дамское* в этой героине действительно почти не выражено.

Примечательно отношение Мозглякова к Зине. С одной стороны, он «как будто боится ее пристального взгляда; по крайней мере, его как-то коробит, когда он осмеливается взглянуть на нее. Движения ее свысока небрежны» [2, II, 304]. С другой стороны, в мечтания Мозглякова о женитьбе на Зине проникает нечто иное: «Потом красавица жена, ему преданная и постоянно удивляющаяся его героизму и возвышенным чувствам; мимоходом под шумок, – внимание какой-нибудь графини из «высшего общества», в которое он непременно попадет через брак свой с Зиной, вдовой князя К., вице-губернаторское место, денежки» [2, II, 362–363]. Здесь перед нами как бы черновой проект будущего Гани Иволгина. Оба персонажа – воплощение ординарности уже потому, что не способны на подлинную, всепоглощающую влюбленность. Зато оба способны выйти из себя, когда их меркантильные планы рушатся. Мозгляков, например, бросает

Н. А. Макаричева

в лицо Зине: «А! так я дурак, – кричал он, – так я теперь уж дурак! Хорошо! Прощайте! Но прежде чем уеду, всему городу расскажу, как вы с маменькой облапошили князя, напоив его допьяна! Всем расскажу! Узнаете Мозглякова» [2, II, 349]. Ганя же, уязвленный Аглаей, находится в сходном психическом состоянии: «А! Так вот как! – скрежетал он, – так мои записки в окно швырять! А! Она в торги не вступает, – так я вступлю! И увидим! За мной еще много... увидим!.. В бараний рог сверну!.. – Он кривился, бледнел, пенился; он грозил кулаком» [2, VIII, 74].

В обоих произведениях эти несостоявшиеся претенденты на женские сердца после крушения надежд оказываются в сходных позициях. В «Идиоте» Ганя, смиряясь и наблюдая на за судьбой «избранницы», все-таки лелеет надежды и «ждет своего часа». В «Дядюшкином сне» для понимания ситуации важны некоторые художественные мизансцены. Мозгляков униженно молит Зину оставить ему хоть какую-то надежду, и следует мизансцена: «Зина почти бессознательно посмотрела на него и молча продолжала свою дорогу. Так как на высоком деревянном тротуаре было тесно двум рядом, а Зина не сторонилась, то Павел Александрович соскочил с тротуара и бежал подле нее вниз, непрерывно заглядывая ей в лицо» [2, II, 394]. Это так выразительно, что Достоевский не отказал себе в возможности воспроизвести позднее подобное же в «Бесах». Так же возле тротуара бежит за Ставрогиным, заглядывая ему сбоку в глаза, Петр Верховенский. Не думаю, что допускаю здесь некую натяжку: ведь нечто вроде влюбленности испытывает и Петр Степанович к своему кумиру (сам же он в этом и признается).

Другая мизансцена развернута в самом финале повести. Здесь Мозгляков оказывается свидетелем торжества Зины в роли супруги важного человека в другом провинциальном городе: «Это был высокий, худощавый и строгий генерал, старый воин, израненный в сражениях, с двумя звездами и с белым крестом на шее. Он <...> пригласил всех <...> чиновников к себе на бал, дававшийся в тот же самый вечер по случаю именин генерал-губернаторши» [2, II, 397]. В ситуации, знакомой нам по «Евгению Онегину» (вспомним супруга Татьяны Лариной – Н. М. Перлина [2, II, 512]), Мозгляков ведет себя примерно как лермонтовский Грушницкий, то есть именно в своем духе, подчиняясь шаблону: «Угрюмо-рассеянный вид, едкая мифистофелевская улыбка не сходили с лица его во весь вечер. Живописно прислонился он к колонне (зала, как нарочно, была с колоннами) и в продолжение всего бала, несколько часов сряду, простоял на одном месте, следя своими взглядами Зину. Но увы!

все фокусы его, все необыкновенные позы, разочарованный вид и проч. и проч. – все пропало даром» [2, II, 398]. Таков удел ординарности, когда она драпируется под любовь. Разумеется, эта параллель уместна с Онегиным лишь в пародийном значении.

Как известно по письмам Достоевского, «Дядюшкин сон» создавался фактически параллельно с повестью «Село Степанчиково и его обитатели», и оба эти произведения первоначально восходили к единому замыслу «комического романа» [2, XXVIII/I, 209; 2, III, 498-499]. Для нас принципиально важно, что в гендерологическом аспекте выявляется достаточно причудливая взаимосвязь обеих повестей.

Если в «Дядюшкином сне» очевиден комический феминизм, то в «Селе...» общая картина складывается почти обратным образом. Как будто Достоевский кардинально меняет полюса в другом произведении для соблюдения некоего баланса точек зрения. В крайней форме «антифеминизм» выражен в репликах соседа Ростанева, помещика Бахчеева: «Про сестрицу Егора Ильича, Прасковью Ильичичну, что в девках сорок лет сидит, и говорить не желаю. Ахи да охи, да клочет как курица – надоела мне совсем – ну ее! *Только разве и есть в ней, что дамский пол: так вот и уважай ее ни за что, ни про что, за то только, что она дамский пол! Тьфу!*» [2, III, 24]. И далее: «А я вам, батюшка, по дружбе скажу: *не люблю бабья! Только слава, что человек, а по правде, так один только срам, да и спасению души вредит*» [2, III, 28].

Показательна разница в обрисовке мужских и женских персонажей в «Селе Степанчикове и его обитателях» – как центральных, так и второстепенных. Фактически эти «обитатели» почти все, в том или ином смысле, – *приживальщики*. Между тем, *приживалки* в этой повести ничего существенного не демонстрируют. А вот приживальщики-мужчины в повести очень колоритны и разнообразны. Начиная с центрального (Фома Опискин) вплоть до претенциозного, но ничтожного Павла Обноскина, все они разворачивают широкий спектр вариантов мужской психологии. Особенно примечательны в этом ряду Ростанев и Мизинчиков.

Например, Егор Ростанев, по первому впечатлению, с нравственной точки зрения он обрисован автором позитивно. Но все не так просто. Формально он – хозяин в своем доме. По сути же, он долгое время остается приживальщиком при чужих мнениях и авторитетах. С одной стороны, потакание взбалмошной матери и ее «фавориту» Фоме Опискину трудно поставить ему в упрек.

Он и сам до времени почитает этого «ученого» и «незаслуженно пострадавшего человека». С другой стороны, Ростанева красит его способность к подлинной любви (его отношение к гувернантке Настеньке Ежевикиной). В условиях конфликта интересов – когда его возлюбленную угнетают, а его принуждают жениться на богатой женщине – он колеблется, но все-таки в конечном счете *бунтует* и отстаивает свое право на любовь и счастье. Однако приживальщики-противники (матушка и Фома Фомич) показывают свою гибкость, легко идут на компромисс и фактически остаются в своих правах. Таким образом, первоначальное позитивное впечатление как бы «смазывается»: в читательском восприятии этот персонаж воспринимается как *мечтатель* в особом значении – то есть существо почти «бесполое», или мужчина с преобладанием женских инстинктов [1].

«Иван Иванович Мизинчиков» занимает важное место среди мужских персонажей. Именно ему принадлежат развернутые характеристики «фантастической женщины» Татьяны Ивановны, «которую навязывали ему в невесты и за которой почти все в доме ухаживали за ее богатство». Хотя рассказчик тоже добавляет значимые характеристики героини: «Мне, впрочем, понравились ее глаза, голубые и кроткие; и хотя около этих глаз уже виднелись морщинки, но взгляд их был так простодушен, так весел и добр, что как-то особенно приятно было встречаться с ним» [2, III, 44]. Что касается самого Мизинчикова, то в нем примечателен целый ряд незаурядных качеств: наблюдательность, расчетливость, цинизм, склонность к манипулированию людьми в своих корыстных интересах. В то же время – если верить ему «на слово», – он, в отличие от своего соперника Обноскина, «знает меру» в собственных эгоистичных притязаниях.

Рассчитывает он соблазнить Татьяну Ивановну романтическим «увозом», с тем чтобы затем воспользоваться ее наследственным капиталом и «поправить свои дела». Сергею Александровичу (рассказчику) он предлагает роль соучастника и делится с ним: «...если предложить ей увоз, побег, то она тотчас пойдет. В том-то и дело: только чтоб было что-нибудь романическое и эффектное. Разумеется, все это немедленно завершится между нами законным браком. Только бы выманить-то ее отсюда!» [2, III, 96].

Его характеристика Татьяны Ивановны развернута и представляется достаточно убедительной. К тому же, в ней нет цинизма (который присутствует лишь в самом замысле), но есть признаки даже некой тактичности. Например, Мизинчиков

признает: «Видите ли: она до прошлого года была в ужасной бедности, с самого рождения жила под гнетом у благотельниц. Сердце у ней необыкновенно чувствительное; замуж ее никто не просил – ну, понимаете: мечты, желания, надежды, пыл сердца, который надо было всегда укрощать, вечные муки от благотельниц – все это, разумеется, могло довести до расстройства чувствительный характер. И вдруг она получает богатство: согласитесь сами, это хоть кого перевернет. Ну, разумеется, теперь в ней ищут, за ней волочатся, и все надежды ее воскресли» [2, III, 97].

Планы «на перспективу» у Мизинчикова также показывают в нем не столько цинизм, сколько способность проникнуться женской психологией (правда, именно в таком, почти болезненном варианте). Он, например, предполагает жить с будущей женой врозь и аргументирует это так: «Сообразите, приглядитесь к ее характеру: ну способна ли она быть женой и жить вместе с мужем? <...> Ведь это легкомысленнейшее создание в свете! Ей необходима непрерывная перемена; она способна на другой же день забыть, что вчера вышла замуж и сделалась законной женой. Да я сделаю ее несчастною вконец, если буду жить вместе с ней и буду требовать от нее строгого исполнения обязанностей. Естественно, я буду к ней приезжать раз в год или чаще, и не за деньгами – уверяю вас. <...> Приезжая дня на два, на три, я буду доставлять даже удовольствие, а не скуку: я буду с ней хохотать, буду рассказывать ей анекдоты, повезу на бал, буду с ней амурничать, дарить сувенирчики, петь романсы, подарю собачку, расстанусь с ней романически и буду вести с ней потом любовную переписку. Да она в восторге будет от такого романического, влюбленного и веселого мужа. <...> я займу сердце Татьяны Ивановны сладчайшим образом на всю ее жизнь. Чего ж ей больше желать? скажите! Да ведь это рай, а не жизнь!» [2, III, 99-100].

Все это может (и должно, по нашему мнению) напоминать планы и расчеты Марьи Москалевой относительно «дядюшки», князя К., как она их разворачивает в уговорах дочери Зины. Все планируется из корыстных соображений и в то же время – с учетом натуры объекта вождения и его реальных жизненных интересов. Особенно примечательно, что здесь – согласно нашему прежнему наблюдению – срабатывает *антифеминизм*. Вернее будет сказать, *мужские* и *женские* роли поменялись местами. В роли прежнего «дядюшки» теперь выступает «Татьяна Ивановна», а в роли интригана–искателя Марью Москалеву сменяет Мизинчиков.

Вместе с тем, художественное наполнение образов Москалевой и Мизинчикова у Достоевского в этой повести разное. Далее в романах писателя нам еще встретятся, конечно, расчетливые женщины. Но планы их, как правило, будут терпеть крах. От Мизинчикова же как «рудиментарного образа» [3, 152] начинается более выразительная и *развивающаяся* художественная галерея. Ближайший наследник здесь – князь Валковский из «Униженных и оскорбленных». Следующий и, быть может, самый близкий – Свидригайлов. Затем – Тоцкий, Ставрогин, Версиров и Федор Карамазов. То есть фактически в каждом из великих романов Достоевского находятся художественные «наследники» Мизинчикова. Причину такой рассогласованности (художественно–психологическое «наследие» Москалевой постепенно иссякает, а Мизинчикова, напротив, развивается) мы видим в том, что Достоевский планирует судьбы персонажей и судит о них со своей, мужской точки зрения и позиции. Поначалу, в раннем творчестве, он в своей заинтересованности женской психологией дает волю своей интуиции и обо многом *догадывается*. Впоследствии же, увлекаемый идеологизмом, он как бы делает ставку на то, что лучше уже *знает*, а не только *догадывается*. Женская психология оказывается в роли манящего, колоритного – но сопровождающего и дополнительного художественного измерения в его романах.

Литература

1. Бердяев, Н. А. О «вечно бабьем» в русской душе / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры, искусства: в 2 т.– М.: Искусство, 1994. – Т. 2 – С. 290–300.
2. Достоевский, Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука.1973–1990.
3. Кирпотин, В. Я. Ф. М. Достоевский. Творческий путь. (1821–1859) / В. Я. Кирпотин. – М.: Гослитиздат, 1960. – 607 с.

References

1. Berdyayev, N. A. O «vechno bab'em» v russkoj dushe // Berdyayev N. A. Filosofiya tvorchestva, kul'tury, iskusstva: v 2 t.– Moscow: Iskusstvo, 1994. – T. 2 – S. 290–300.
2. Dostoevskij, F. M. Polnoe sobr. soch.: v 30 t. – Leningrad: Nauka.1973–1990.
3. Kirpotin, V. Ya. F. M. Dostoevskij. Tvorcheskij put`. (1821–1859). – Moscow: Goslitizdat, 1960. – 607 s.

NOVELS "UNCLE'S DREAM"
AND "THE VILLAGE OF STEPANCHIKOVO":
F.M. DOSTOYEVSKY'S GENDEROLOGICAL QUEST

N. A. Makaricheva

Candidate of philology, Assistant Professor, Russian Language
and Literature Department, Saint-Petersburg State University of Economics
(Saint-Petersbur, Russia)

Abstract

In the focus of attention there appear two "comic stories" of F. M. Dostoyevsky written in one period. In respect of art gender studies between works undoubted communication is observed. In the story "Uncle's Dream" the author in a comic look draws a picture of a victory of "feminism" in the family relations. In "The village of Stepanchikovo" the counter option is given – the result of adverse effect of men's influence of Foma Opiskin on Rostanov's family is shown. As the intriguer who is skillfully manipulating due to knowledge of female psychology in the story the man – Mizinchikov acts. From this image the gallery of male characters in the subsequent creativity of F. M. Dostoyevsky develops: prince Valkovsky, Svidrigaylov, Totsky and others.

Keywords: art gender studies, mismatch plot, feminism, anti-feminism, male and female roles.

Поступила в редакцию 24.01.2019